

ИГОРЬ АНИКАНОВ

ПРАХЛАД

СЫН ДЕМОНА, ЛЮБИМЕЦ БОГА

Игорь Аниканов Прахлад. Сын демона, любимец Бога

<https://litres.ru/74382373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прахлад — сын могущественного царя демонов Хираньякашипу, но его сердце с раннего детства принадлежит Богу. Ни угрозы, ни власть, ни испытания не могут заставить мальчика отказаться от веры. Игорь Аниканов пересказывает древнюю историю из «Шримад-Бхагаватам» как живую драму о противостоянии гордыни и преданности, страха и внутренней свободы, отцовской власти и голоса души. Это книга о мужестве ребёнка, силе молитвы и защите, которая приходит к тому, кто сохраняет верность истине.

Игорь Аниканов

Прахлад. Сын демона, любимец Бога

Вдохновлено «Шримад-Бхагаватам»

ПРАХЛАД

Сын демона, любимец Бога

Книга третья из серии

«Вдохновлено Шримад-Бхагаватам»

Игорь Аниканов

От автора

Дорогой читатель!

Эта книга родилась из слушания «Шримад-Бхагаватам».

В ее центре — Прахлад, сын Хираньякашипу, мальчик из дома асуров, который не унаследовал ненависть отца и не продал свою преданность даже за благословения Самого Господа.

В традиционных переводах его имя чаще передают как «Прахлада» или «Прахлада Махарадж». В этой книге я пользуюсь литературной формой «Прахлад»: она короче, естественнее звучит по-русски и при этом сохраняет связь с именем великого преданного.

Повествование следует канве Седьмой песни «Шримад-Бхагаватам». В него вплетено и пураническое предание о прошлой жизни Прахлада как Васудевы из Аванти — не для украшения сюжета, а потому, что эта линия помогает почувствовать, как милость Господа может идти к душе незаметными путями.

Я не пытался заменить шастру художественным пересказом. Скорее наоборот: мне хотелось, чтобы читатель снова захотел открыть «Шримад-Бхагаватам» и услышать эту историю из ее истинного источника. Пусть Господь Нрисимхадев, защитник Прахлада, защитит и наше желание помнить Его.

Содержание

Пролог. Колонна

ЧАСТЬ I. У ВОРОТ ВАЙКУНТХИ

Глава 1. Дети, которые были старше времени

Глава 2. Врата без замков

Глава 3. Нараяна выходит к мудрецам

Глава 4. Выбор врагов

ЧАСТЬ II. ЗАКАТ ДИТИ

Глава 5. Час, когда ходит Шива

Глава 6. Предупреждение Кашьяпы

Глава 7. Два золотых сына

ЧАСТЬ III. ЗОЛОТОЙ ДЕМОН

Глава 8. Плач, который стал войной

Глава 9. Аскеза против смерти

Глава 10. Просьба к Брахме

Глава 11. Трон над тремя мирами

Глава 12. Империя без имени Господа

Глава 13. Слова Нарады

ЧАСТЬ IV. ГОРОД АВАНТИ

Глава 14. Город Аванти

ЧАСТЬ V. ТРОН И АШРАМ

Глава 15. Ашрам, где ребенок слушал

ЧАСТЬ VI. ВАСУДЕВА

Глава 16. Падение

ЧАСТЬ VII. РЕБЕНОК ВО ЧРЕВЕ

Глава 17. Каядху

Глава 18. Первый шепот имени

Глава 19. Рождение Прахлада

Глава 20. Любовь отца и страх царя

ЧАСТЬ VIII. ШКОЛА ДЕМОНОВ

Глава 21. Школа демонов

Глава 22. Девять дверей

Глава 23. Жуют пережеванное

ЧАСТЬ IX. НОЧЬ АВАНТИ

Глава 24. Ссора

ЧАСТЬ X. ПРЕДАННЫЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ

Глава 25. Вопросы детей

Глава 26. Класс становится храмом

Глава 27. Маленькие проповедники

ЧАСТЬ XI. БОРЬБА

Глава 28. Яд

Глава 29. Слоновья поступь

Глава 30. Змеиное ложе

Глава 31. Огонь и тишина

Глава 32. Преданный, которого нельзя убить

ЧАСТЬ XII. ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОЛОННЕ

Глава 33. Суд над истиной

Глава 34. Перед ударом

Глава 35. Битва на пороге

Глава 36. Ни человек, ни зверь

Глава 37. Полубоги у трона

Глава 38. Лотосная рука

ЧАСТЬ XIII. МОЛИТВЫ

Глава 39. Почему я люблю Тебя?

Глава 40. Молитва о гневе Господа

Глава 41. Тяжелая ноша ложного счастья

Глава 42. Слуга слуг

Глава 43. Не происхождение, а преданность

Глава 44. Я не боюсь Тебя

Глава 45. Не торговец

Глава 46. Молитва за отца

ЧАСТЬ XIV. СВЕТ ПОСЛЕ КОЛОННЫ

Глава 47. Царь без гордости

Глава 48. Последний дар

Глава 49. После молитв

Эпилог. Колонна в сердце

Основные источники

Пролог. Колонна

Колонна стояла перед ними как часть самого дворца: высокая, темная, отполированная до холодного блеска. На ее камне дрожали огни светильников, и в этих неровных отблесках весь зал казался собранным в одну точку — туда, где стоял маленький мальчик со сложенными ладонями.

Прахлад не защищался. Он не искал глазами выхода, не смотрел на воинов, не считал расстояние до дверей. Его детское тело было тонким рядом с золотой тяжестью дворца, но спокойствие вокруг него раздражало сильнее любого вызова.

Хираньякашипу поднялся с трона. На груди его вспыхнули камни, в руке блеснул меч. Он уже слышал от сына слишком многое: о Вишну, о Господе в сердце каждого, о силе, которая не принадлежит царям. Теперь терпение, если оно вообще еще оставалось в нем, кончилось.

— Ты снова говоришь о Нем? — спросил он.

Прахлад поднял глаза.

— Я говорю о Том, кто находится в сердце каждого, отец.

Слово «отец» коснулось Хираньякашипу неожиданно. На миг сквозь броню царя проступил человек, державший когда-то младенца на руках. Но эта мягкость прожила меньше одного вдоха.

— Если Он везде, — голос демона стал низким и тяжелым, — значит, Он и в этой колонне?

Прахлад посмотрел на камень спокойно, как смотрят на знакомого, который молчит, но слышит.

— Да, отец. Он и там.

По залу прошел шепот. Учителя Шанда и Амарка опустили головы; министры переглянулись; воины крепче сжали оружие. Хираньякашипу подошел к колонне. Он шел не к камню — к последнему доказательству. Сейчас, думал он, детская вера разобьется о то, что не умеет отвечать.

Он ударил.

Камень должен был издать обычный звук — глухой, короткий, мертвый. Вместо этого изнутри поднялся гул, сначала низкий, будто глубоко под землей проснулся океан, а затем такой мощный, что своды дворца дрогнули, светильники закачались, золотые чаши на ступенях трона зазвенели одна о другую.

Далеко в небесных обителях полубоги вздрогнули. Брахма поднял голову. Те, кто привык к громам Индры, слышали этот рев и поняли: это не гроза и не оружие. Так не звучит ни один голос, рожденный в пределах мира.

Хираньякашипу отступил на полшага. Колонна оставалась перед ним, но уже не была просто камнем. По ее поверхности побежали трещины, внутри двигался свет, а из глубины шел звук, которому не нашлось имени.

Прахлад стоял рядом и слушал. Для него этот рев был от-

ЧАСТЬ I. У ВОРОТ ВАЙКУНТХИ

Глава 1. Дети, которые были старше времени

Они пришли босыми.

Четверо мудрецов, чьи тела напоминали тела малых детей, шли через обители Вайкунтхи, проходя одни ворота за другими, с такой свободой, с какой луч света проходит через прозрачную воду. Их звали Санака, Санандана, Санатана и Санат-кумар. Время касалось миров, рождало царей, стирало города, меняло тела живых существ, но рядом с этими мудрецами время казалось молодым.

Вайкунтха не встречала их шумом. Там не бывает тревоги, потому что никто не хочет отнять у другого место, славу или любовь Господа. Дворы раскрывались один за другим. В воздухе стоял аромат туласи и лотосов. Где-то звучали раковины, где-то преданные пели имена Нараяны, где-то птицы повторяли звуки, похожие на мантры.

— Брат, — тихо сказал Санандана, — как странно: мы знаем, что Господь пребывает повсюду, и все же сердце спешит к Его лицу.

Санака улыбнулся.

— Знание говорит: «Он есть». Любовь говорит: «Я хочу увидеть Его».

Они не несли даров. Что можно принести Тому, кому при-

надлежит все? Они не требовали приема. Чего можно требовать в мире, где каждый шаг уже милость? Они просто шли. Их глаза были ясны, как утреннее небо, и во взглядах не было ни гордости мудреца, ни смущения ребенка.

Жители Вайкунтхи встречали их с почтением. Никто не удивлялся их облику: в духовном мире не судят по возрасту тела. Там знают, что зрелость души измеряется не морщинами, не положением и не громкостью голоса. Там древнейшая мудрость может прийти легко, без украшений, с лицом ребенка и сердцем, свободным от желания владеть.

Чем глубже Кумары входили в обитель Господа, тем мягче становилась их внутренняя отрешенность. Они были джнани, свободными от грубых узлов мира, но близость к Нараяне превращала их знание в ожидание встречи. В их сердцах не было беспокойства, однако было движение — тихое, радостное, личное.

Наконец перед ними поднялись врата, ведущие к покоям Господа. Врата сияли, но не казались преградой. Вайкунтха не знает замков, потому что туда не входит зависть.

У ворот стояли двое.

Джая и Виджая, привратники Нараяны, были могучи и прекрасны. Их оружие сверкало, их тела сияли, их служение было высоким. Они не были обычными стражами. Они были украшением порога Господа.

Кумары приблизились, не ускоряя шага.

И в эту минуту на самом краю мира, где нет страха, едва

заметно поднялась тень различения.

Глава 2. Врата без замков

Джая поднял руку.

Жест был не грубым, но достаточно твердым, чтобы преградить путь. Виджая сделал шаг рядом с ним. В их лицах не было ненависти, но в них появилась настороженность, которая была чужой для Вайкунтхи.

— Подождите, — сказал Джая. — Внутренние покои Господа не место для всякого, кто приходит без приглашения.

Санат-кумар посмотрел на него спокойно.

— Без приглашения? — переспросил он. — Разве в доме Нараяны бывают чужие?

Виджая нахмурился. Он видел перед собой четверых, похожих на детей, без знаков царства, без дара, без сопровождающих. Его служение у ворот было почетным, но всякая близость к власти опасна, если забыть, что служение выше положения.

— Мы должны хранить порядок, — произнес он.

— Порядок, — сказал Санака, — защищает любовь, только когда рождается из любви. Если порядок начинает измерять преданных по внешности, он превращается в преграду.

Джая и Виджая переглянулись. Им казалось, что они охраняют покой Господа. Но Господь не нуждается в защите от чистых сердец. Опасность была не у ворот, а внутри тонкой мысли: «этот достоин, а этот нет».

Лица Кумаров изменились. Не от личной обиды: они не искали почестей. Но они увидели, как у порога Вайкунтхи возникла та самая привычка, которая держит материальный мир в плену: различать живых существ по телу, положению и форме.

— Вы увидели различие там, где его нет, — сказал Санандана. — Значит, вам придется родиться в мире, где различия правят сердцами.

Слова прозвучали негромко, но Вайкунтха услышала их. Проклятие мудрецов не похоже на вспышку раздражения. Это закон. И его провозглашают те, кто видит тончайшее отклонение от истины.

Джая побледнел.

— Мы... покинем Его? — спросил он, и в этом вопросе не было страха боли. Был страх разлуки.

Виджая опустил оружие.

— Если мы родимся там, где забывают Господа, кто сохранит память?

Кумары молчали. Они уже произнесли то, что должно было быть произнесено. В духовном мире даже самое суровое слово не пахнет местью. Но все равно меняет ход судеб.

Мягкое сияние наполнило пространство у ворот, и сама красота стала видимой. Из внутренних покоев вышел Нараяна.

Джая и Виджая пали к Его стопам.

Кумары склонились.

У ворот, которые не имели замков, началась очередная лила Господа.

Глава 3. Нараяна выходит к мудрецам

Господь Нараяна вышел к Кумарам так, словно ожидал их с самого начала.

Его присутствие не заглушало пространство, а словно раскрывало его. В сиянии Господа не было ослепляющей гордости повелителя. Был только покой, от которого гнев мудрецов тут же стал прозрачным, а страх привратников — похожим на детскую просьбу о защите.

— Мои дорогие мудрецы, — сказал Господь, — Мне жаль, что у Моих ворот вы встретили препятствие.

Джая вздрогнул.

— Господь! Вина наша. Не принимай ее на Себя.

Нараяна посмотрел на него с такой нежностью, что привратник опустил голову еще ниже.

— Гость стоит у двери хозяина. Если гость чувствует боль у этой двери, хозяин не может сказать: «Я не имею к этому отношения».

Кумары слушали. Они знали величие Господа, но каждый раз смирение Нараяны открывает новую глубину. Материальный правитель защищает свой престиж, когда его приближенные ошибаются. Господь же не боится стать перед Своими слугами и принять на Себя тяжесть их поступка.

Санатана сложил ладони.

— О Господь, наше слово уже произнесено. Мы не желали

оскорбить Твоих слуг, но закон должен был проявиться.

— Пусть он проявится, — ответил Нараяна. — Через него Я исполню желание, скрытое даже от многих мудрецов.

Джая и Виджая подняли глаза. Их сердца сжались. Разлука с Вайкунтхой для них была страшнее любой боли. Они могли вынести рождение, смерть, унижение, но мысль о забвении Господа была невыносима.

— Владыка, — сказал Виджая, — если нам суждено родиться в мире материи, дай нам одно: пусть память о Тебе вернет нас.

Нараяна молчал несколько мгновений. Это молчание было милостью, которая способна дать почувствовать душе вес выбора.

— Вы можете родиться семь раз Моими преданными и возвращаться постепенно, — сказал Он. — Или три раза Моими противниками и вернуться скорее.

Вайкунтха затаила дыхание.

Семь жизней преданными — мягкий путь, но долгая разлука. Три раза родиться врагами — путь страшный, но короткий. Только тот, кто любит Господа больше собственного благочестия, способен понять тяжесть этого выбора.

Джая взглянул на Виджаю. В их глазах не было сомнения.

— Господь, — произнесли они вместе, — пусть разлука будет короткой.

Нараяна принял их решение. В Его взгляде не было осуждения. Там было знание будущего: Он придет к ним как Ва-

раха, как Нрисимха, как Рама, как Кришна. Он будет казаться противником, но останется освободителем.

Кумары склонились еще ниже. Они поняли: проклятие не стало концом служения, а лишь его новой, тяжелой формой.

Кумары ушли молча. Джая и Виджая остались у стоп Господа, уже чувствуя приближение чужого мира.

Глава 4. Выбор врагов

Перед уходом Джая и Виджая еще раз посмотрели на Вайкунтху. Там листья деревьев дрожали от ветра, несущего имена Господа; каждый звук был служением, каждый взгляд — полным доверия. Покинуть этот мир даже на мгновение казалось невозможным, но они уже дали согласие.

— Брат, — тихо сказал Джая, — мы войдем в тела тех, кто будет ненавидеть Его.

— И будем молить, чтобы ненависть не стала вечной, — ответил Виджая. — Пусть Господь быстрее разрушит то, что покроет нашу память.

Они не падали как обычные души, увлеченные завистью. Всего лишь принимали роль. Но роль в материальном мире не бывает легкой: маска прирастает к лицу, имя становится судьбой, а чужая боль начинает казаться собственной правдой.

Нараяна смотрел на них без тревоги.

— Когда Я приду, вы увидите Меня в гневе, — сказал Он. — Не бойтесь Моего гнева. Для тех, кто связан со Мной, он

является дорогой домой.

Джая и Виджая поклонились. Слова Господа вошли в них как последний отблеск света перед долгой ночью.

А в мире материи эта ночь уже приближалась. В обители великого Кашьяпы солнце склонялось к краю неба, дым жертвенного огня становился синим, и Дити, жена мудреца, стояла у входа, собираясь произнести просьбу, от которой изменится судьба миров.

ЧАСТЬ II. ЗАКАТ ДИТИ

Глава 5. Час, когда ходит Шива

Вечер в обители Кашьяпы опускался не сразу. Сначала золото солнца легло на траву, потом дым жертвенного огня стал синее, затем умолкли птицы, словно лес сам вспомнил о молитве.

У входа в хижину стояли сосуды с водой. На камне лежали свежие травы для поклонения. Слуги говорили шепотом. В такие часы даже обычные вещи казались участниками обряда: огонь — свидетелем, вода — границей, воздух — хранителем того, что человек должен успеть очистить в себе до наступления ночи.

Кашьяпа сидел перед огнем. Его лицо было спокойно. Он не спал, не мечтал, не думал о хозяйстве. Его дыхание разливалось в ритме мантры, и каждый звук словно возвращал мир на свое место.

Дити остановилась на расстоянии нескольких шагов.

Она знала этот час. Знала, что сумерки принадлежат осторожности, омовению, молитве, памяти о Господе Шиве, странствующем со своей свитой. Она знала, что переходы требуют чистоты.

— Господин мой, — сказала она.

Кашьяпа открыл глаза и увидел ее красивое и напряженное лицо. В ее взгляде были просьба и требование одновременно.

— Дити, — тихо произнес он, — что тревожит тебя?

Она сделала шаг ближе. Украшения на ее руках едва слышно звякнули. Этот звук показался слишком громким.

— Я хочу сына, — сказала она. — Сына, который будет силен и не позволит мне чувствовать себя забытой.

Кашьяпа не ответил сразу. Он посмотрел на небо за ее плечом: солнце уже касалось края мира, и тени под деревьями сливались в одну темную ткань.

— Желание иметь ребенка может быть благословением, — сказал он. — Но благословение должно войти через правильную дверь.

— Разве я прошу о грехе? — Дити попыталась улыбнуться, но улыбка дрогнула. — Я твоя жена. Я не чужая женщина, пришедшая разрушить твой обет.

— Ты моя жена, — ответил Кашьяпа. — Поэтому я и должен говорить правду бережнее, чем чужому человеку.

Она опустила руку рядом, но не коснулась его стоп. Гордыня

еще вынуждала ее держаться прямо.

— Всю жизнь женщины ждут, — сказала она. — Ждут слова мужа, ждут взгляда, ждут ребенка, ждут милости судьбы. А когда желание становится сильным, им снова говорят: жди.

Кашьяпа услышал не только слова. Он услышал ее одиночество, ревность, страх быть меньшей среди других жен. И женскую боль, которая не всегда говорит языком дхармы, но всегда ищет ответа.

— Сумерки — не пустое время, — сказал он. — Сейчас соприкасаются миры. Господь Шива проходит со своими спутниками. Сейчас ум должен быть чист, а чувства — сдержанны.

Дити сжала край одежды.

— Ты говоришь о мирах, — прошептала она. — А я говорю о своем сердце.

Ветер шевельнул пламя. Кашьяпа закрыл глаза на мгновение, будто советовался с кем-то внутри себя

— Именно сердце я и хочу защитить, — сказал он.

Но Дити уже не слышала. Ей казалось, что перед ней снова закрывается дверь. И чем мягче говорил Кашьяпа, тем сильнее в ней поднималась решимость открыть эту дверь немедленно.

Она приблизилась.

— Если ты откажешь мне сейчас, — сказала она, — я не запомню твои доводы. Я запомню, что в час моей нужды ты

выбрал огонь, а не меня.

Эти слова были несправедливы. Страсть часто говорит несправедливо, потому что ищет не истины, а победы.

Кашьяпа молчал. Вечер становился глубже. Где-то вдалеке закричала птица и тут же умолкла.

Дити испугалась собственного голоса. Но желание уже было озвучено, и ей казалось, что отступить теперь значит признать поражение.

— Я прошу тебя, — сказала она уже тише. — Не как мудреца. Как мужа.

И этот последний тон оказался тяжелее всех прежних слов.

Глава 6. Предупреждение Кашьяпы

Кашьяпа долго смотрел на огонь.

Он понимал: если сейчас говорить строго, Дити не услышит о дхарме, а лишь почувствует холодность. Если говорить мягко, мягкость будет принята за согласие. Истина должна была стать и мечом, и раскрытой ладонью.

— Послушай меня, — сказал он. — Ты просишь о сыне, и это желание может быть чистым. Но желание, пришедшее в неподходящее время, становится похожим на семя, брошенное в бурю. Оно может прорасти, но плод будет горьким.

Дити отвернулась.

— Всегда есть причина отказать женщине, — сказала она.

— Это не отказ тебе. Это отказ часу.

Она резко посмотрела на него.

— Часу?

— Да. Время тоже участвует в зачатии. Сознание отца, сознание матери, место, звук, намерение, чистота — все это входит в будущую жизнь. Ребенок приходит не только из тела. Он приходит через дверь, которую мы открываем своим состоянием.

Дити молчала, ее пальцы дрожали.

Кашьяпа продолжал:

— Сейчас сумерки. Это время Господа Шивы. Его спутники странствуют по мирозданию. Тонкие существа движутся рядом с нами. Домохозяин в такой час вспоминает Господа, очищает себя и не отдает сердце страсти.

— Ты боишься Шивы? — спросила Дити.

— Я почитаю его. И потому не хочу встречать его час с умом, затуманенным желанием.

Она закрыла лицо ладонями.

— Ты говоришь так, будто я нечиста.

— Нет, — мягко сказал Кашьяпа. — Я говорю, что желание может сделать нечистым даже достойного человека, если он позволит ему стать господином.

Слова коснулись ее, но не остановили. В ней боролись две силы: знание, которое соглашалось с мужем, и боль, которая не желала больше ждать. Она поднялась, прошла по хижине, остановилась у входа. За деревьями уже сгущался темно-синий свет.

— А если я не смогу успокоиться? — спросила она.

— Тогда попроси Господа о силе.

— Я прошу тебя.

Кашьяпа опустил голову. Это была та грань, на которой даже мудрец чувствует слабость отношений. Он видел опасность. Он уже произнес предупреждение. Он знал, что дхарма была на его стороне. Но перед ним стояла жена, раненая собственной страстью и одиночеством.

— Дити, — сказал он почти шепотом, — если я уступлю, последствия будут. Они не исчезнут только от того, что ты сейчас не хочешь их видеть.

Она ничего не ответила.

После этого в обители наступила тишина. Огонь догорал медленно. Ветер прошел по траве, сумерки сгущались.

Когда желание получило свое и волна отступила, Дити увидела лицо мужа. На нем не было ни торжества, ни нежности, ни гнева, только печаль.

— Что будет? — спросила она.

Теперь ее голос был другим. Не требовательным, а полным страха за будущее.

Кашьяпа не стал укорять ее.

— В твое чрево войдут две могущественные души, — сказал он. — Они будут сильны, горды и враждебны благочестию. Они потрясут мир. Их имена будут произносить с тревогой. Они будут ненавидеть Верховного Господа.

Дити побледнела.

— Нет, — прошептала она. — Не говори так.

— Я говорю не для того, чтобы ранить тебя. Я говорю, чтобы ты знала, что мгновения имеют последствия.

Она опустилась к его стопам.

— Можно ли смягчить это? Можно ли сделать так, чтобы в моем роду не осталась только тьма?

Кашьяпа посмотрел на нее. В его взгляде появилась мягкость.

— Твоя тревога уже стала началом очищения. Ты рассказываешься, и потому не все будет мраком. В роду этих твоих сыновей родится великий преданный. Он будет славен не силой тела, а чистотой сердца. Он станет дорог Господу.

Дити заплакала.

— В роду демонов?

— Да, — сказал Кашьяпа. — Свет иногда приходит туда, где его меньше всего ждут.

За стенами хижины ночь полностью вступила в свои права. Но в словах мудреца звучало далекое утро.

Глава 7. Два золотых сына

Беременность Дити проходила под тяжелым небом. Она хранила слова Кашьяпы так, как человек хранит огонь: боясь и потерять его, и обжечься. Иногда сидела у входа в дом, касалась живота и шептала молитвы, которые прежде производила без такой боли.

— Пусть они будут сильными, — говорила она. — Только

не дай их силе ослепить их.

Однажды Кашьяпа услышал это. Он не стал прерывать ее, так как знал: раскаяние меняет путь сердца.

Когда пришел срок, мир наполнился тревогой. Ветер поднимал пыль без причины, животные беспокоились, по ночам небо казалось слишком низким. Мудрецы чувствовали: в мир входят не просто дети, а силы, которым предстоит сыграть тяжелую и важную роль в игре Господа.

Дити родила двух сыновей.

Они сияли, словно золото, но в этом сиянии была жесткость металла. Один тянулся взглядом к земле, к владению, к захвату; другой будто уже искал ложа власти, почестей и наслаждений. Старшие дали им имена: Хираньякша — «золотой глаз» и Хираньякашипу — «золотое ложе».

Для мира они были предзнаменованием. Для Дити — младенцами. Один сжимал крошечный кулак, другой поворачивал голову на звук ее дыхания.

— Мои дети, — прошептала она.

Кашьяпа подошел ближе.

— Люби их, — сказал он. — Но не поклоняйся их силе. Мать, которая любит только победы сына, сама кормит его гордость.

— Они обречены?

— Никто не обречен так, чтобы Господь не мог войти в его судьбу. Но путь у них будет тяжелым.

За дверью потемнело, хотя день еще не закончился. Дале-

кий гром прошел по горизонту. Дити прижала детей к себе и почувствовала, что держит на руках не только младенца, но и будущее, которого сама боится.

ЧАСТЬ III. ЗОЛОТОЙ ДЕМОН

Глава 8. Плач, который стал войной

Когда Хираньякша пал от клыка Господа Варахи, Хираньякашипу долго молчал. Вестник, принесший весть, стоял с опущенными глазами; в зале было слышно, как трещит масло в светильниках.

— Повтори, — сказал Хираньякашипу.

— Господь Вараха убил твоего брата, повелитель. Земля поднята из вод.

Слово «убил» оказалось слишком маленьким. Хираньякашипу видел перед собой не поле битвы, а детство: брата, смех, силу, общие клятвы. В груди у него поднялась боль, и он не дал ей стать слезами.

— Где был ваш героизм? — спросил он у воинов.

Никто не ответил.

— Где была ваша магия? Где ваша верность?

Один из министров попытался сказать что-то о могуществе Вишну, но демон поднял руку.

— Не произноси это имя с уважением.

Он собрал родных, жен, сыновей, демонов и министров. Его речь была почти философской: тело временно, душа веч-

на, мудрый не скорбит. Он утешал других словами, которые сам не впустил в сердце. Когда говорил о душе, голос его был ровен; когда произносил имя Вишну, ровность исчезала.

— Если Он защитник, — сказал Хираньякашипу, — почему Он отнял моего брата? Если Он справедлив, почему встал на сторону наших врагов? Нет. Мы сами создадим справедливость.

Так скорбь стала приказом. Хираньякашипу перестал быть братом, потерявшим брата; он сделался царем, которому нужна война, чтобы не оставаться наедине со своей раной.

С этого дня имя Господа стало для него именем врага. Он говорил о мести, о долге перед родом асуров, о чести. Но под всеми речами лежала нестерпимая боль.

Глава 9. Аскеза против смерти

Желая вынудить вселенную подчиниться своей воле, Хираньякашипу ушел на гору Мандара.

Он оставил дворец, войско, музыку побед и плачущих родственников. Внешне это походило на отречение. Но отречение измеряется не тем, что человек оставляет, а тем, ради чего он оставляет это. Хираньякашипу оставил удовольствия, чтобы получить власть над удовольствиями. Он оставил тело без пищи, чтобы однажды сделать это тело непобедимым.

Горы встретили его ветром. Небо над ним было резким и

чистым. Он выбрал место, где скалы стояли как свидетели, и поднял руки к небу.

— Если есть сила в аскезе, — произнес он, — пусть она станет моей. Если боги живут дарами жертв, пусть они узнают голод. Если смерть властвует над всеми, пусть она будет вынуждена отступить передо мной.

Дни стали месяцами, месяцы — годами. Его тело иссыхало. Муравьи поднимались по ногам, птицы перестали бояться его неподвижности. Лес менял цвет, дожди приходили и уходили, но Хираньякашипу стоял. Внутри его сознания горел один образ: Вишну, убивший брата.

Полубоги почувствовали жар его аскезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.